

не только его «худым добыточком», но и крупными средствами иного происхождения.

Обращаясь к своим читателям с мольбой: «не зазрити худоумию моему и грубости моей», Даниил называет их «братие и господья мои»,⁵⁰ т. е. его «Хождение» было составлено для его собратий средних духовных чинов — игуменов и попов, и для высших светских и духовных господ — князей и епископов. Они и послали умного игумена в «святую землю», щедро обеспечив его средствами. Основными вкладчиками этого предприятия были, очевидно, поименованные Даниилом владельческие князья — участники строительства храма Бориса и Глеба в Вышгороде. Упоминание Глеба Минского, умершего в 1119 г., противника Мономаха, было связано, видимо, с уважением Даниила к Глебу, так как этот князь при жизни вместе со своей женой сделал огромный вклад золотом и серебром в Печерский монастырь и построил там в 1108 г. «трапезницу».⁵¹ Эта деталь позволяет думать, что Даниил был выходцем из рядовых монахов Печерского монастыря.⁵²

Даниил не выдает прямо своих политических симпатий, хотя, видимо, он сочувствовал представлениям киево-печерских монахов об идеальном князе, которые впоследствии воплотил в своем автопортрете Владимир Мономах. Так, Даниил хвалит иерусалимского Балдуина I, «якоже есть мужь благодатен и смирен велми и не городить ни мала», хотя по его приказу в праздник гроба господня «разгнаша люди насиле[м] и створиша яко улицю олне до гроба».⁵³

Сказанное позволяет думать, что Даниил был тесно связан с теми же княжескими и церковными кругами, которые всячески развивали культ Бориса и Глеба и вели борьбу за вышгородские реликвии. Отсюда же и исходила инициатива путешествия Даниила-игумена в Палестину.⁵⁴

Чем же было вызвано это предприятие? Об этом Даниил говорит с полной определенностью. Он с удовлетворением отмечает, что вот он обошел лично «вся та святаа места, куда же Христос бог наш походил своима ногама. . . то же ми показа бог видети и обиходити ногама своима недостойныма и видех очима своима грешныма всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истине, яко видех, тако и написах о местех святых; мнози друзии, доходивше мест сих, не могоша испытати добре, блазнятся (т. е. соблазняются) о местех сих, а инии, не доходивше мест сих, лжут много и блядуть».⁵⁵ Здесь речь идет не только о том, что многие паломники после ознакомления с палестинскими реликвиями возвращались на родину полными заблуждений, сомнений и соблазнов. В русских былинах отражен образ такого «паломника» Васьки Буслаева, не веровавшего «ни в сон ни в чох», смело купавшегося в Иордане, видимо, сняв «порты», тогда как полагалось купаться в сорочке, ткнувшего ногой чьи-то кости и прыгавшего через священный камень «на горе Сорочинской», за что буйный новгородец и попалился жизнью.

Даниил не раз дает понять, что его тревожит общее состояние христианской веры, пока далеко не завоевавшей себе бесспорного признания на Руси. Так, рассказывая об одном из наиболее тонко поставленных чудес — о схождении небесного огня на светильники у гроба гос-

⁵⁰ Житие и хоженье. . . , стр. 141 (или «братие и отци и господие мои» — стр. 125).

⁵¹ Ипатьевская летопись под 1108, 1119, 1158 гг.

⁵² В. В. Данилов. К характеристике «Хождения» игумена Даниила. ТОДРЛ, т. X. Л., 1954, стр. 103.

⁵³ Житие и хоженье. . . , стр. 126—132.

⁵⁴ Ср.: В. В. Данилов. К характеристике «Хождения» игумена Даниила, стр. 94.

⁵⁵ Житие и хоженье. . . , стр. 101.